

Елена Прокофьева

Татьяна Умнова

*Легенды довоенной
Москвы*

Румба над пропастью

Издательство АСТ
Москва

УДК 94(47+57) (092)
ББК 63.3 (2Рус)6-8
П 78

Прокофьева, Елена Владимировна

П 78 Легенды довоенной Москвы / Елена Прокофьева, Татьяна Умнова — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Легенды лучших лет).

ISBN 978-5-17-094922-9.

Для кого-то тридцатые — это эпоха джаза. Для кого-то — самый расцвет Серебряного Века в литературе. А для кого-то — это те беспокойные годы, когда ужасы гражданской войны и революции были уже пройдены, но еще не были забыты.

Тем удивительнее те — совершенно человеческие — истории любви, ревности, предательства и благородства времен тридцатых. Лев Ландау и Кора Дробанцева, Михаил Булгаков и Елена Шиловская, Рихард Зорге и Екатерина Максимова, Михаил Тухачевский и таинственная «Лика», Дмитрий Шостакович и Нина Варзар, Валентина Серова и Константин Симонов, Янина Жеймо и Леон Жанно.

Их проклинали современники. Им завидовали небеса!

ISBN 978-5-17-094922-9.

УДК 94(47+57) (092)
ББК 63.3 (2Рус)6-8

Литературно-художественное издание

Легенды лучших лет

Прокофьева Елена Владимировна, Умнова Татьяна Викторовна

ЛЕГЕНДЫ ДОВОЕННОЙ МОСКВЫ
Румба над пропастью

Ведущий редактор *А.К. Рахманова*
Корректор *И.Н. Мокина*
Технический редактор *Е.П. Кудиярова*
Разработка макета, дизайн *Е.Н. Колосова*
Верстка *Г.А. Сенина*

Подписано в печать 25.10.15. Формат 84x108/32. Усл. печ. л.18,48.

Тираж 2000 экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры
ООО «Издательство АСТ»

129085, г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, строение 3, комната 5

Содержание

Михаил Кольцов и Мария Остен: «Очень хочется жить...»	5
Рихард Зорге и Екатерина Максимова: «Не подходите к ней с вопросами...»	57
Михаил Булгаков и Елена Шиловская: «Я буду любить тебя всю мою жизнь...»	121
Михаил Тухачевский и Лика: таинственная любовь	149
Дмитрий Шостакович и Нина Варзар: восьмое чудо	197
Валентина Серова и Константин Симонов: «Страшная и удивительная жизнь...»	241
Татьяна Окуневская и Владо Попович: «Дурман... наваждение...»	297
Янина Жеймо и Леон Жанно: польский принц для Золушки	331

Любовь — это сон в сновиденьи...
Любовь — это тайна струны...
Любовь — это небо в виденьи...
Любовь — это сказка луны...
Любовь — это чувственных строк душа...
Любовь — это дева вне форм...
Любовь — это музыка ландыша...
Любовь — это вихрь! это шторм!
Любовь — это девственность голая...
Любовь — это радуга снов...
Любовь — это слезка веселая...
Любовь — это песня без слов!..

Игорь Северянин. «Любовь»

Михаил Кольцов
и
Мария Осен:

«Очень хочется жить...»

Михаил Кольцов

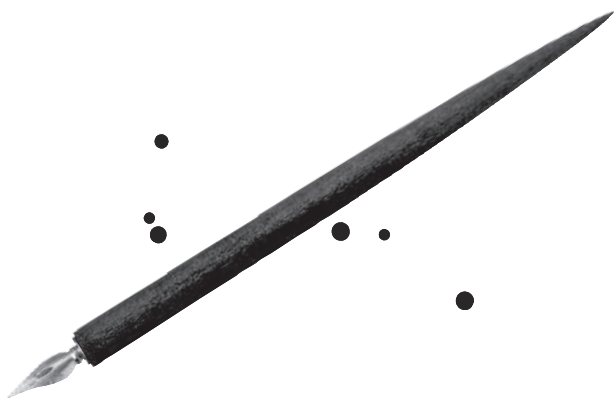
и

Мария Остен

- *Кольцов (Фридлянд) Михаил Ефимович (31 мая 1898 года, Киев, Российская империя — 2 февраля 1940 года, Москва, СССР) — журналист, разведчик.*
- *Остен (Грессгенер) Мария (20 марта 1908 года, деревня Нойгольц, Восточная Пруссия — 16 сентября 1942 года, Москва, СССР) — писательница, журналистка, памфлетистка.*
- *Он — азартный, храбрый, блестящий, авантюрный, умеющий наслаждаться жизнью во всех ее проявлениях, любвеобильный и отчаянный.*
- *Она — идеалистка, верная до самозабвения, отважная, твердая в принципах, самопожертвенная натура.*

- *Для него она — третья жена. Для нее он — второй муж.*
- *Общих детей не было. Двое приемных сыновей.*
- *Познакомились в Германии в 1932 году. Впрочем, официально женаты не были, что в 1930-е годы было распространенным явлением.*
- *Она ему изменяла, что едва не привело к разрыву накануне его ареста. Но Мария на самом деле так сильно любила Михаила, что пыталась его спасти, — и разделила его судьбу.*

Он всегда был там, где происходит что-то важное и интересное, казалось, даже, умудрялся успевать сразу в несколько мест, и когда он появлялся, тут же все загоралось и кипело, все менялось, потому что этот энтузиазм и эта радость жизни были неодолимо заразительны. Небольшого роста, не особенно крепок здоровьем, ничего не видит без очков, и при этом — азартен до самозабвения, авантюрен до безрассудства и совершенно бесстрашен. И писал он так легко и вдохновенно, что именно его статей и фельетонов читатели ждали, их искали в первую очередь, открывая «Правду» или «Огонек». В те времена Михаила Кольцова называли «журналист номер один». Сейчас бы его назвали — журналист от Бога.

Слишком талантливый, слишком яркий, слишком часто лезет туда, куда не следует... Многовато «слишком» для того времени. «Слишком прыткий», — решил однажды Сталин и росчерком красного карандаша оборвал эту жизнь так, как он любил — на самой высокой точке взлета, чтобы было большее падать.

Рассказывали, что вокруг Михаила Кольцова возникало особенное поле притяжения, куда неизбежно попадали интересные люди. Так же обстояло и с женщинами — все они были необыкновенными. Кольцов был дважды женат.

И оба раза не очень удачно. Один раз, будучи совсем еще юным, он влюбился в хорошенькую талантливую актрису Веру Юрневу, которую обожал весь Киев. Его вторая жена, Елизавета Ратманова, была полной противоположностью первой — не особенно красивая, строгая и отчаянно храбрая внучка путешественников, капитан танковой бригады в Испании. А потом...

Потом Михаил встретил настоящую любовь, неожиданно, как это всегда и бывает.

И это была любовь с первого взгляда и на всю жизнь.

Она была немка, ее звали Мария Остен. Нежная и трепетная, как Вера, и вместе с тем лихая и отважная, как Лиза... Они с Михаилом были похожи, видели мир одинаково и понимали друг друга с полуслова. В их отношениях тоже было не все гладко, была измена, была ревность, и в конце концов страсть остыла, но любовь и преданность оставались до самого конца. У них не было «долго и счастливо» и умерли они не в один день, но можно сказать, что умерли они вместе.

Они умерли друг за друга.

1

...А началось все в Киеве 31 мая 1898 года, когда в семье торговца обувью Ефима Моисеевича Фридлянда и его жены Рахиль Савельевны родился первый сын, названный Моисеем, или же по-русски — Михаилом.

Если верить рассказу одного из потомков Фридляндов, семья была родом из Белостока и переехала в Киев, когда скоропостижно скончался отец Ефима Моисеевича, чтобы поддержать его вдову. Спустя несколько лет Фридлянды

вернулись в Белосток, и именно там Михаил и его младший брат Борис, родившийся в 1900 году, поступили в реальное училище, где учились вполне благополучно и ровно и где в скором времени проявились таланты обоих мальчиков: братья издавали рукописный журнал, в котором Михаил был литературным редактором, а Борис — художником.

В дальнейшем Фридлянды снова переехали в Киев, а Михаил в 1915 году уехал в Петроград, где поступил в Психоневрологический институт. Уже в 1916 году он начал печататься и, вероятно, тогда же определился в будущей профессии — журналистике, окончательно поняв, что ему интересно и чему именно посвятит он свою жизнь.

А жизнь в то время в столице Российской империи была чрезвычайно интересной...

В феврале 1917 года грянула революция, в результате которой в России была свергнута монархия и к власти пришло Временное правительство во главе с Александром Керенским. Михаил был активным участником происходивших событий, находился на переднем крае, рискуя жизнью. И писал восторженные репортажи.

Однажды кто-то запустил в грузовик, в котором он ехал, горящую головешку, попавшей Михаилу в лицо. Позже он так описывал этот случай в репортаже с места событий: «...Паренек с Выборгской кричал кому-то в огонь речь. Девушка, бледная, с блестящими глазами, омывала мне снегом рану. Я лежал на ее платке, ошалелый от удара, счастливый кровью, солнцем и шумом».

И пожалуй, эти последние слова можно было бы поставить девизом ко всей его жизни, так он и будет лететь вперед — счастливый кровью, солнцем и шумом. Будет лететь, пока не разобьется...

Гораздо менее восторженно Кольцов встретил Октябрьскую революцию и далеко не сразу вступил в партию большевиков. Поначалу он примкнул к группировке «Межрайонцев», возглавляемой Троцким, и, собственно, уже вслед за Троцким пришел к большевикам. Он вступил в партию в 1918 году и почти тот час же демонстративно вышел из нее, написав открытое письмо в «Киногазету», где заявил, что ему не по пути с советской властью и ее комиссарами.

Тем не менее в том же году он, видимо, вернулся в ряды большевиков, потому что оказался в занятом германскими войсками Киеве в составе советской дипломатической миссии...

Как вспоминает его брат Борис, взявший впоследствии псевдоним Ефимов, «Кольцов, забыв на время журналистику, с головой ушел в другое дело. Он работает в так называемом Скобелевском комитете, в области документальной кинохроники, снимает эпизоды Гражданской войны в Финляндии, потом братание русских солдат с немецкими на фронте. Наконец сопровождает со своей маленькой киногруппой советскую делегацию на мирные переговоры с Украинской державой, которая обрела полную „независимость“ за штыками германской оккупационной армии. Это, между прочим, дает Кольцову возможность заехать в Киев и повидать после долгой разлуки родителей и младшего брата, то есть меня. Но политические и военные события развиваются настолько стремительно, непредсказуемо и не всегда благоприятно, что Кольцов застревает в Киеве. И надолго.

С детства знакомый родной Киев предстает в глазах Кольцова по-новому. Красавец-город совсем недавно пе-

рестал быть ареной ожесточенных уличных боев, кровавых расправ, сопровождавших смену враждующих между собой властей. Теперь, после вступления в город немецкой армии под командованием фельдмаршала фон Эйхгорна, здесь воцарилось полное спокойствие. Трудно представить в ту пору больший контраст, чем между суровой, голодной и холодной Москвой и сытым, благодуществующим, развлекающимся в бесчисленных кабачках и кабаре, клубах и театриках Киевом. Неугомонную журналистскую натуру Кольцова интересуют и порядки германской оккупации, и скрытое, но упорное народное сопротивление ей, и премьеры в обосновавшихся в Киеве московских театрах, и возглавляемые Симоном Петлюрой украинские гайдамаки, затаившиеся где-то под Киевом, и многое другое. И конечно, немаловажное место занимают возникшие близкие отношения с Верой Леонидовной Юреновой, известной всей стране актрисой, ставшей здесь, в Киеве его женой».

2

Вера Юренева, в девичестве Шадурская, была старше Михаила на двадцать два года и до знакомства с ним успела дважды побывать замужем, не говоря уж о многочисленных романах. Ее первым мужем был дворянин Иван Юренив — чью фамилию Вера и оставила себе в качестве театрального псевдонима. Вторым мужем был поэт и драматург Александр Бродский. (В конце 1930-х годов он будет репрессирован так же, как и Кольцов, так же, как и последний муж Юреновой, и никто из них не вернется из лагерей.)

Родилась и выросла актриса в Москве, окончила Петербургское театральное училище и некоторое время играла в Александрийском театре. Однако путь к славе в столице оказался слишком тернист, и вскоре Вера перебралась в провинцию — в Киев. В 1906 году она поступила в театр «Соловцов», где очень скоро начала получать главные роли и заблестала самой яркой звездой.

Несмотря на творившуюся в стране неразбериху и постоянно сменяющуюся власть, театр «Соловцов» всегда собирал аншлаги и являлся островком незыблемого благополучия; перед лицом прекрасного примирялись враждующие стороны, и страсти кипели разве что вокруг хороших актрис.

Михаил Кольцов часто бывал в театре и, как и многие до него, был покорен красотой и грацией актрисы, которую называли воплощением женственности. Она сама говорила, что основное ее амплуа — любовь. Так было и на сцене, и в жизни... Веру не смущала разница в возрасте — незадолго перед тем у нее был роман с начинающим композитором Исааком Дунаевским, которому было тогда всего 19 лет и для которого Вера Юренева стала первой настоящей любовью. К роману с юным музыкантом влюбчивая и ветреная актриса относилась несерьезно, тогда как Михаил Кольцов по-настоящему завоевал ее сердце. Настолько, что она согласилась стать его женой и даже уехала вместе с ним в Москву, когда в Киеве случился очередной переворот и дипломатической делегации Советской России пришлось срочно покинуть город. В газетах ее поступок называли «еще одной победой большевиков».

Кстати, считается, что именно Кольцов вдохновил Веру Юреневу на создание одного из самых удачных образов ее сценической карьеры — Лауренсию в постановке «Фуэнте Овехуна» («Овечий источник»), по пьесе Лопе де Вега, премьера которой состоялась 1 мая 1919 года в советском Киеве. (В ту пору театр «Соловцов» назывался уже «Театром имени Ленина».) По сюжету пьесы жестокий господин испанской деревни обесчестил крестьянскую девушку, отняв ее у возлюбленного прямо во время свадьбы. В ответ на это в деревне вспыхнуло восстание. Юренева, привыкшая к ролям аристократок, на сей раз сыграла крестьянку, призывающую односельчан к бунту — и сделала это так убедительно, что потрясла и заполнивших зрительный зал пролетариев, и бывалых театралов.

Семейная жизнь продлилась не долго, уже в 1922 году Кольцов и Юренева расстались, но, по всей видимости, сохранили хорошие отношения. По крайней мере много лет спустя Михаил писал бывшей жене из Испании, рассказывая, что побывал в настоящем городке Фуэнте Овехуна. «Если бы Вы сюда приехали со спектаклем „Лопы“ — все бы потряслись», — добавил он под конец.

После развода с мужем Вера Юренева уже не вернулась в Киев, до середины 1950-х годов она играла в различных театрах Москвы и Ленинграда и даже получила звание заслуженной артистки РСФСР. Потом — как это часто и бывает — угасающая звезда оказалась в забвении и доживала свой век в одиночестве в коммунальной квартире в центре Москвы. Она умерла в 1962 году и похоронена на Новодевичьем кладбище.

3

1920-е годы были временем невероятного вдохновения и самых радужных надежд. Гражданская война закончилась победой советской власти, теперь народу, разрушившему «мир насилия», предстояло строить новое, счастливое и справедливое государство. В выбранной им сфере деятельности Михаил Кольцов взялся за дело с присущим ему энтузиазмом. Еще в 1920 году, сразу после возвращения из Киева в Москву, он стал постоянным корреспондентом «Правды», куда писал фельетоны и очерки.

Для того чтобы добыть интересный материал, он выезжал за границу по поддельным паспортам, пробираясь в страны, куда не допускались советские журналисты. Однажды он сумел проникнуть в Зоненбургскую тюрьму и побеседовать с немецким коммунистом Максом Гельцем... В другой раз под видом французского журналиста он явился в белогвардейский штаб РОВС в Париже... Стоит ли говорить, с каким риском для жизни были сопряжены все эти эскапады? Зато читатели с восхищением и гордостью следили за приключениями отважного советского журналиста.

В 1921 году Кольцов участвовал в штурме восставшего Кронштадта, шел вместе с курсантами по льду на вооруженную до зубов крепость, чтобы потом написать подробный репортаж в газету. Там он познакомился с маршалом Тухачевским и даже, вспомнив о своем медицинском образовании, перевязывал ему рану. Впоследствии это «неподходящее знакомство» припомнят ему следователи НКВД.